

УДК 342.56

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Часть 1. ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЬИ ЗА ТЯЖКОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОВВЕДЕНИЙ 2020 года – КОНСТИТУЦИОННАЯ ИЛИ ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 10.01.2024 г.

Аннотация. В статье критикуется сложившееся законодательно положение, при котором грубый дисциплинарный проступок судьи, влекущий досрочное прекращение его судейских полномочий, рассматривается в качестве меры дисциплинарной ответственности. Обосновывается вывод, что досрочное прекращение полномочий судьи за грубый проступок должно влечь меру не дисциплинарной, а конституционной ответственности. Механизм конституционной ответственности судьи частично предусмотрен конституционными нововведениями 2020 года лишь для двух с небольшим тысяч судей, и применять его может Совет Федерации, что законодательному органу несвойственно и чем разрушается единство статуса судей. Обоснование его разработки должно базироваться насылке, согласно которой грубый проступок судьи, заслуживающий досрочного прекращения его полномочий, есть прежде всего нарушение присяги судьи, что в настоящее время действующим законодательством и корпоративным регулированием вообще никаких последствий не предусматривает. Вносятся соответствующие предложения с необходимыми их обоснованиями.

Ключевые слова: судья, грубый проступок судьи, досрочное прекращение полномочий судьи, дисциплинарная ответственность судьи, конституционная ответственность судьи.

Цитирование: Клеандров М. И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 1. Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 года – конституционная или дисциплинарная ответственность? // Государство и право. 2023. № 3. С. 39–59.

DOI: 10.31857/S1026945224030044

ON MODERN PROBLEMS OF THE MECHANISM OF JUDGES' RESPONSIBILITY FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

Part 1. TERMINATION OF THE POWERS OF A JUDGE FOR A SERIOUS OFFENSE AFTER THE CONSTITUTIONAL INNOVATIONS OF 2020 – CONSTITUTIONAL OR DISCIPLINARY RESPONSIBILITY?

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 10.01.2024

Abstract. The article criticizes the current situation regulated by law, in which a gross disciplinary misconduct of a judge, entailing the early termination of his judicial powers, is considered as a measure of disciplinary responsibility. The conclusion is substantiated that the early termination of the powers of a judge for gross misconduct should entail a measure of not disciplinary, but constitutional responsibility. The mechanism of constitutional responsibility of a judge is partially provided for by the constitutional innovations of 2020 only for a little over two thousand judges, and the Federation Council can apply it, which is not typical for a legislative body, and which destroys the unity of the status of judges. The rationale for its development should be based on the premise that a judge's gross misconduct, which deserves early termination of his powers, is primarily a violation of the judge's oath, which currently does not provide for any consequences under current legislation and corporate regulation. Appropriate proposals are made with the necessary justifications.

Key words: judge, gross misconduct of a judge, early termination of the powers of a judge, disciplinary responsibility of a judge, constitutional responsibility of a judge.

For citation: *Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct; law enforcement practice, general approaches Part 1. Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 – constitutional or disciplinary responsibility? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 39–59.*

Институт дисциплинарной ответственности судей в России имеет давнюю историю¹. Но ни на одном из отрезков времени о конституционной ответственности судей в законодательстве речи не было, хотя иные виды их ответственности были широко представлены в действующем – соответствующем времени – законодательстве и, разумеется, правоприменительной практике. Это прежде всего: дисциплинарная ответственность с широкой шкалой их видов, которая часто изменялась; уголовная ответственность; гражданская ответственность; внедисциплинарная ответственность (за предосудительные проступки неслужебного характера); а в советский период – и партийная ответственность (как же без неё, при этом она была из всех видов ответственности самой тяжкой, определяющей дальнейшую судьбу судьи) и т.д.

Имелись и соответствующие механизмы применения различных видов ответственности судей, также различающиеся от времени.

Контуры нынешнего режима дисциплинарной ответственности судей были обозначены еще в советский период истории: в Законе СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР»² (в его ст. 6 «Неприкосновенность судей и народных заседателей»), а также в специальном акте – Положении о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов СССР, утвержденное постановлением Верховного Совета СССР от 2 ноября 1989 г.³ (в названном Законе СССР, в частности, устанавливался – в ст. 14 и 15 – порядок формирования квалификационных коллегий судей и их полномочия).

¹ Автором этих строк он в хронологическом плане детально рассматривался (см.: *Клеандров М.И. Ответственность судьи. М., 2011. С. 69–233).*

² См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 9, ст. 223.

³ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 22, ст. 423.

Позднее в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, одобренной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР»⁴, предусматривалось, что вопросы возбуждения дисциплинарного производства в отношении судей, постановка вопроса об их освобождении от должности и об их перемещении (? — М.К.) должны быть прерогативами судейской корпорации.

Но в принятом Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132 «О статусе судей в Российской Федерации»⁵ (далее — Закон о статусе судей) дисциплинарной ответственности судей не предусматривалось. Правда, предусматривалось досрочное прекращение полномочий судьи за те или иные серьезные проступки, но это не квалифицировалось в качестве меры дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем многие, как отмечается в литературе, оценивали установленную в отношении судей систему гарантий неприкосновенности как необоснованную: «Особенно настойчиво звучали призывы предусмотреть в Законе о статусе судей дисциплинарную ответственность, которая ранее имела место в законодательстве»⁶. Да и на практике квалификационные коллегии судей (далее — ККС) фактически ежегодно прекращали досрочно полномочия нескольких десятков судей арбитражных судов и судов общей юрисдикции с формулировкой типа «за совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи», т.е. фактически применяли крайнюю меру дисциплинарной ответственности, равную в обыденном сознании увольнению с должности.

Характерной в этом вопросе представляется реакция Совета судей РФ на обращения с предложением ввести дисциплинарную ответственность для судей, нашедшая отражение в постановлении от 4 апреля 1997 г. «О нецелесообразности введения дисциплинарной ответственности судей в законодательном порядке». В нем было сказано, что Совет судей РФ считает нецелесообразным внесение изменений такого рода в действующее законодательство ввиду его неэффективности. В качестве обоснования такого подхода называлась практика ККС и региональных советов судей, свидетельствовавшая о том, что органы судейского сообщества рассматривали жалобы на действия и поведение судей и при отсутствии оснований к прекращению полномочий судьи, по обнаружении недостатков в работе судьи и ненадлежащего его

поведения реагировали на это путем вынесения неформальных предупреждений, обращали внимание судей и председателей судов на необходимость устранения недостатков в его работе и личном поведении⁷.

Тем не менее федеральный законодатель решил все-таки ввести дисциплинарную ответственность для судей. Сделано это было путем включения Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ в Закон о статусе судей новой ст. 12¹, которая так и была названа: «Дисциплинарная ответственность судей».

Этой статьей было установлено: «За совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: предупреждения; досрочного прекращения полномочий судьи». И предусматривалось, что решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается ККС, к компетенции которой относится рассмотрение вопроса о прекращении полномочий этого судьи на момент принятия решения. Решение соответствующей ККС о досрочном прекращении полномочий судьи может быть обжаловано в Дисциплинарное судебное присутствие в соответствии с федеральным конституционным законом (это положение — в ред. Федерального закона от 09.11.2009 № 246-ФЗ).

Однако в ст. 14 Закона о статусе судей, именуемой «Прекращение полномочий судьи», содержащей большое число пунктов, типа: по письменному заявлению судьи об отставке, избрание судьи Президентом РФ, депутатом Государственной Думы и т.д., такого основания, как совершение дисциплинарного проступка, не было, хотя и было «занятие деятельностью, несовместимое с должностью судьи». Что свидетельствует о некоторой несинхронизированности вновь вводимой ст. 12¹ с действующей тогда ст. 14 Закона о статусе судей.

Правда, в обе статьи впоследствии было введено немало изменений и дополнений (а в сам Закон о статусе судей их было введено свыше 50 и некоторые из них весьма объемны и содержательны, в том числе в части дисциплинарной ответственности судей).

И при этом формула дисциплинарного проступка судьи изначально содержала принципиальный дефект, сохранившийся, по существу, и по настоящее время. Абзац 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей в первоначальной редакции провозглашал: «За

⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

⁶ Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России. История, документы: в 6 т. Т. VI. Российская Федерация / отв. ред. Л. Б. Алексеева. М., 2003. С. 36.

⁷ См.: Сборник постановлений Всероссийских съездов судей и постановлений (обращений) Совета судей Российской Федерации (1991–2012 годы). М., 2012. Т. 1. С. 246.

совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: предупреждения; досрочного прекращения полномочий судьи». А в абз. 2 этого пункта указывалось: «Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается соответствующей квалификационной коллегией судей... Решение соответствующей квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи может быть обжаловано в Дисциплинарное судебное присутствие в соответствии с федеральным конституционным законом» (в ред. от 09.11.2009 № 246) – был тогда такой орган, состоящий из равного числа судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но он в качестве квазисуда первой инстанции не работал, рассматривал жалобы лишь на решения ККС. Этот опыт представляется весьма познавательным.

Редакция ст. 12¹ Закона о статусе судей, как сказано выше, прошла с момента ее введения множество изменений и дополнений, в ней теперь девять пунктов, а дисциплинарные взыскания теперь предусмотрены четырех видов: замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий судьи. Но принципиальный дефект формулы дисциплинарного проступка судьи, по существу, сохранился. Сегодня эта формула закреплена в следующей редакции абз. 1 п. 1 ст. 12¹: «За совершение дисциплинарного проступка, то есть за совершение виновного действия (за виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса, на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде...» То есть и в изначальной редакции формулы дисциплинарного проступка судьи, и в ее современной редакции дисциплинарный проступок судьи – это как нарушение закона, так и нарушение закона совместно с нарушением Кодекса судейской этики, а также отдельно нарушение только положения Кодекса судейской этики.

Но ведь очевидно, что нарушение закона должно влечь юридическую ответственность, а нарушение Кодекса судейской этики – этическую ответственность. И тот факт, что норм этической ответственности судьи нет (была неудачная попытка

введения в Кодекс судейской этики раздела «Этическая ответственность судьи», но, поскольку она практически полностью дублировала положение п. 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей, ее исключили из этого Кодекса). Вот так: кодекс судейской этики есть, нарушения тех или иных его положений также имеют место, а самой этической ответственности судей нет. И на практике есть, и немало, случаев привлечения судей к дисциплинарной ответственности исключительно лишь за нарушение положений кодекса судейской этики, а отождествление юридической ответственности с этической (не юридической) недопустимо. Необходимо радикальное решение этого вопроса; и автор этих строк сделал здесь определенный шаг⁸.

При этом следует отметить, что на этическое регулирование поведения людей серьезно влияет научно-технический прогресс. К примеру, на заседании Совета судей РФ в начале декабря 2023 г. обсуждались разработанные Комиссией Совета судей РФ по этике рекомендации по стандартам поведения судей в сети Интернет, которые должны стать составной частью Кодекса судейской этики. В этих рекомендациях содержится этические стандарты поведения судей в социальных сетях и мессенджерах, в частности – разрешается судьям регистрироваться в соцсетях под псевдонимом (что не освободит их от необходимости соблюдать многочисленные ограничения), а значит – псевдоним не может быть использован для сокрытия неэтичного поведения. Более того, судья должен воздерживаться от выступлений от лица судебной власти, если специально на это не уполномочен, не следует ему также указывать служебный адрес в личной переписке и т.д. Предусмотрено в этих рекомендациях, что судья несет ответственность за содержание своего аккаунта, даже если доступ к нему прекращен, например, из-за утраты пароля⁹. Правда, непонятно, какую именно ответственность в этом случае, как и за нарушение иных положений названных рекомендаций будет нести судья – ведь этическая ответственность в Кодексе судейской этики так и не предусмотрена. А сам этот Кодекс принимает и изменяет исключительно Всероссийский съезд судей, который собирается раз в пять лет, и прошел он в декабре 2022 г., т.е. надо ждать еще четыре года.

Как сказано, прекратить досрочно полномочия судьи можно и за нарушение положений только лишь Кодекса судейской этики. Что недопустимо и потому, что расходится с правовой позицией

⁸ См.: Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2017.

⁹ См.: Корня А. Этика судейской жизни. Служители Фемиды получают рекомендации по правильному поведению в интернете // Коммерсантъ. 2023. 6 дек.

Конституционного Суда РФ, сформулированной в Постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П, где, в частности, сказано: «Между тем корпоративные акты судейского сообщества, каковыми являются названные кодексы, формулируя правила поведения судьи, не могут исходить из расширительного истолкования составов дисциплинарных проступков, как они определены Федеральным законом “О статусе судей в Российской Федерации”. Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием для досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи»¹⁰.

При этом важно отметить, что квалификационные коллегии судей (как федеральная, так и субъектов Российской Федерации), наделенные в дисциплинарном производстве в отношении судей эксклюзивными полномочиями, включая досрочное прекращение полномочий судьи, осуществляют это производство «попутно», наряду с осуществлением ряда не менее значимых полномочий; между тем дисциплинарное производство — это решение судьбы судьи и требует целевого, занимающего больше внимания, сил и времени, производства.

Отдельное возражение вызывает и введение Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ такого вида дисциплинарного взыскания, как «понижение в квалификационном классе». Дело в том, что п. 1 ст. 20² «Квалификационная аттестация судей», введенный в Закон о статусе судей Федеральным законом от 25 декабря 2012 г. № 269-ФЗ, гласит: «Квалификационной аттестацией судьи признается оценка уровня его профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия, результатов судебной деятельности, деловых и нравственных качеств судьи и соответствия его требованиям, предъявляемым настоящим Законом и кодексом судейской этики». И по результатам квалификационной аттестации (а она периодическая и строго обязательная — в п. 7 этой статьи Закона жестко закреплено: «Судья не вправе отказаться от прохождения квалификационной аттестации»), соответствующая квалификационная коллегия судей, как это установлено в п. 13 данной статьи Закона, принимает одно из следующих решений: «1) о присвоении судье очередного (внеочередного) квалификационного класса; 2) об оставлении судьи в ранее присвоенном ему квалификационном классе».

Но разве оставление в ранее присвоенном квалификационном классе для судьи — не мера

дисциплинарной ответственности, не вид дисциплинарного взыскания? По сути, он здесь не прошел аттестацию, не показал, что уровень профессионализма судьи за время с предыдущей аттестации у него не повысился. Но если оставление в ранее присвоенном квалификационном классе судьи рассматривать не в качестве вида дисциплинарного взыскания, то что это? В любом случае это наказание, пусть и не за конкретный дисциплинарный проступок.

С другой стороны, понижение в квалификационном классе для судьи должно означать не наказание за совершенный им дисциплинарный проступок, а признание оценки уровня его профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия ниже уровня, обусловленного имеющимся у него квалификационным классом. Не иначе. Таковы суть и смысл квалификационной аттестации судьи. И понижать этот класс за конкретный дисциплинарный проступок означает исказить суть и смысл самой квалификационной аттестации судьи, закрепленных в ст. 20.2 Закона о статусе судей. Положение не спасает введенный Федеральным законом от 20 июля 2018 г. № 243 п. 4¹ в ст. 12¹ Закона о статусе судей, в соответствии с которым дисциплинарное взыскание в виде понижения в квалификационном классе может налагаться на судью за существенное нарушение положений настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики, если судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию. При этом понижение судьи в квалификационном классе осуществляется квалификационной коллегией судей путем принятия решения о понижении квалификационного класса судьи до квалификационного класса, непосредственно предшествующего квалификационному классу, имеющемуся у такого судьи на момент принятия указанного решения.

Статистика показывает, что квалификационную аттестацию за период с 2017 г. по девять месяцев 2022 г. прошли 54 761 судья, из них около 1% — 770 судьям было отказано в присвоении очередных квалификационных классов¹¹. Нет сомнений, что для этих 770 судей это было серьезным наказанием, прежде всего — в морально-психологическом плане (может быть, не для всех, но для большинства — это точно). Да и авторитету этим судьям был нанесен немалый урон.

Конечно, «ассортимент» видов дисциплинарных взысканий судьи должен быть шире, чем был до включения в него «понижения в квалификационном классе», но не за счет же такого его

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2008. № 10 (ч. II), ст. 976.

¹¹ См.: Отчетный доклад Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н.В. Тимошина X Всероссийскому съезду судей от 29 ноября 2022 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2023. № 1 (87). С. 29.

несоответствия сути дисциплинарной ответственности. Вполне можно было бы включить в этот «ассортимент» такие виды дисциплинарных взысканий, как выговор, строгий выговор, строгий выговор с последним предупреждением, указание на неполное служебное соответствие и т.д.

Но главным в рассматриваемой в настоящей работе видом дисциплинарного наказания является крайняя мера — досрочное прекращение полномочий судьи. Пунктом 5 ст. 12¹ Закона о статусе судей, введенным в этот Закон Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ, было установлено: «дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия только при наличии жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи, ранее подвергавшегося дисциплинарному взысканию, если допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлены вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок».

Всего же за период с начала 2017 г. по сентябрь 2022 г. к дисциплинарной ответственности были привлечены 1080 судей, из них получили дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий — 128 судей¹². Вроде бы цифра небольшая, но ведь это — судьи, которые, с одной стороны, вершат судьбами людей в силу своих должностных обязанностей, а с другой — их судейский иммунитет должен быть безусловно обеспечен государством, поскольку от этого зависит, напрямую, независимость судьи и справедливость осуществляемого им правосудия. И вообще — состояние обеспечения прав человека в стране нужно оценивать в зависимости от отношения системы к соблюдению прав одного человека.

¹² См.: Отчетный доклад Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н.В. Тимошина X Всероссийскому съезду судей от 29 ноября 2022 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. С. 30.

Таким образом, можно сказать: и до конституционных нововведений 2020 г. (о чем — ниже) досрочное прекращение полномочий судьи было крайним, самым суровым видом юридической ответственности. И она, эта ответственность, предусматривалась не только п/п. 4 п. 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей, но и введенным в п. 1 ст. 14 данного Закона Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179 нового п/п. 13, в соответствии с которым полномочия судьи прекращаются вследствие совершения «судьей дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи».

Но это лишь означает, что речь идет именно о квалификации досрочного прекращения полномочий судьи в качестве юридической ответственности. А она, как известно, имеет много видов, и в данном случае, учитывая значимость судьи как непосредственного носителя судебной власти, которая, в свою очередь, является одним из опорных каркасов фундамента устоев государства, позволяет ставить принципиальный вопрос — данная юридическая ответственность есть дисциплинарная или конституционная? И ответ на него не прост.

Что такое вообще — конституционная ответственность? В отечественной юридической науке проблематика конституционной (и конституционно-правовой) ответственности не обойдена вниманием. Только за последнее время, уже в XXI в. публикуются монографии¹³, сборники научных работ¹⁴, защищаются диссертации¹⁵, количество же научных статей исчисляется десятками¹⁶.

¹³ См., напр.: Серков П.П. Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М., 2014; Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006; Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.

¹⁴ См., напр.: Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001.

¹⁵ См., напр.: Сергеев А.Л. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Авдеенкова М.П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Матросов С.Н. Теоретико-правовые основы конституционной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Никифорова Н.В. Конституционно-правовая ответственность в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы реализации и развития: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009.

¹⁶ Определенный их обзор приведен Н.М. Добрыниным (см.: Добрынин Н.М. К вопросу о конституционной ответственности // Государство и право. 2010. № 10. С. 17–25) и Г.А. Трофимовой (см.: Трофимова Г.А. Понятие

Нельзя не отметить серьезную динамику взглядов на понимание конституционной ответственности. Если в 1970-х годах её считали разновидностью ответственности политической¹⁷ либо отмечали ее политико-правовой характер¹⁸, то в начале XXI в. эти понятия жестко разводили. О.Е. Кутафин, в частности, указывал: «Политическая ответственность и юридическая ответственность, одним из видов которой является конституционно-правовая ответственность, – разные понятия. В отличие от политической юридическая ответственность всегда связана с нарушением каких-либо юридических норм, без чего невозможно ее применение, т.е. использование соответствующей меры принуждения, реализация санкции определенной правовой нормы»¹⁹.

Правда, динамика эта не всегда была последовательной. Например, уже в 2009 г. Н.В. Витрук писал: «Основанием конституционной ответственности высших должностных лиц государства, депутатов, судей могут быть их аморальные проступки, недостойное поведение, порочащее честь и достоинство, умаляющее престиж власти, которую они представляют, только при условии указания на это в самой Конституции или ином источнике конституционного права, не противоречащим Конституции»²⁰.

Но ведь сами по себе аморальные проступки, недостойное поведение и т.п., не содержащие признаков правонарушений, должны влечь, как и в случае указанного выше «аполитичного» проступка, не юридическую, значит, не конституционную, а – в данном случае – этическую ответственность. При этом, само собой разумеется, что «как граждане при реализации своих прав и обязанностей, так и органы государственной власти и должностные лица при осуществлении своих полномочий в сфере конституционно-правовых отношений должны не только соблюдать закон, но и уважать

моральные принципы общества и нормы политической этики»²¹.

Но в целом же названная динамика в XXI в. выдерживалась, чему свидетельствуют ниже приведенные высказывания ученых на природу, содержание и иные аспекты конституционной ответственности.

При этом делались попытки размежевания «конституционная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность». Относительно первой указывалось, что она реализуется только на основе норм Конституции и конституционных законов, тогда как в качестве комплексного института отрасли конституционного права ответственность устанавливается и другими его источниками, в том числе законами и подзаконными актами, и ее следует именовать конституционно-правовой ответственностью. Обособление конституционной ответственности обусловлено спецификой конституционного статуса социальных субъектов, особенностями юридической природы неправомерного поведения – конституционных деликтов, характером конституционных предписаний, на основе которых возникает ответственность, особой процедурой ее реализации²². Тем не менее, считает М.О. Сапунова, такая ответственность не может быть отличной от конституционно-правовой, конституционную ответственность следует рассматривать только как составную часть, разновидность конституционно-правовой ответственности²³.

По мнению Н.М. Добрынина, конституционная ответственность – это, во-первых, форма государственного реагирования на поведение субъектов конституционных правоотношений, выражающаяся в применении санкций; во-вторых, закрепленная конституционно-правовыми нормами обязанность субъекта конституционно-правовых отношений отвечать на несоответствие своего юридически значимого поведения тому, которое предписано ему этими нормами, обеспечиваемая возможностью применения мер государственного (или приравненного к нему) воздействия²⁴.

конституционно-правовой ответственности как отраслевого вида юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 3–8).

¹⁷ См.: Пискотин М.И. Политическая ответственность работников аппарата государственного управления в социалистических странах // Доклад на Международной научной конференции на тему «Ответственность сотрудника государственной администрации». Варшава, 1975 (на рус. яз.).

¹⁸ См.: Авакьян С.А. Санкции в советском государственном праве // Сов. государство и право. 1973. № 11. С. 30, 31.

¹⁹ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 396.

²⁰ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

²¹ Алиев Т.Т. Конституционная ответственность как особый вид юридической ответственности // Современное право. 2010. № 11. С. 33.

²² См.: Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. С. 69, 70; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 278, 279.

²³ См.: Сапунова М.О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 79.

²⁴ См.: Добрынин Н.М. Указ. соч. С. 18.

В. В. Гошуляк²⁵ «в первом приближении» называет следующие специфические черты конституционно-правовой ответственности: 1) она не только строится на запрете определенного поведения, но и вызывает к жизни позитивную ответственность, требует от субъектов права активного поведения для достижения общественно полезных целей; 2) субъектами конституционной ответственности выступают как физические лица, так и коллективные образования. В уголовном праве, например, только физические лица; 3) на первый план в конституционно-правовой ответственности выходит правовосстановительная функция. Если, например, в гражданском праве правоприменительная функция означает возвращение субъектов права в первоначальное состояние, то в конституционном праве — это устранение нарушений закона и принятие мер по нормальному функционированию государственного аппарата, по осуществлению конституционных прав, свобод и обязанностей граждан и т.п.; 4) санкции в конституционно-правовой ответственности сами по себе не носят ни карательного, в понимании уголовного права, ни компенсирующего характера; 5) применение к виновному лицу другого вида ответственности нередко влечет применение мер и конституционно-правовой ответственности. Например, применение мер уголовной ответственности к депутату или высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации влечет применение к этим лицам и такой конституционно-правовой ответственности, как лишение депутатской неприкосновенности, отрешение от должности; 6) конституционно-правовая ответственность часто носит ярко выраженный политический характер, например, отставка правительства за ненадлежащее исполнение своих обязанностей может быть и мерой политической, когда правительство отправляется в отставку с целью разрешения политического кризиса.

Есть в литературе и иные определения понятия «конституционная ответственность». Так, С. Н. Матросов полагает, что «под конституционной ответственностью следует понимать меры конституционного принуждения, применяемые в рамках особого (конституционного) правового режима специальными субъектами права к специальным субъектам права за нарушение ими конституционно-правовых норм»²⁶. А. Л. Сергеев определяет ее как «наступление неблагоприятных последствий конституционно-правового характера (реализацию

конституционно-правовой санкции) для субъекта, нарушившего конституционно-правовые установления»²⁷. М. О. Сапунова считает, что конституционную ответственность можно определить как обусловленную нормами Конституции и конституционных законов необходимость соответствующих субъектов отвечать за свое юридически значимое поведение в установленном порядке и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае отклонения — претерпевать определенные лишения»²⁸. В. О. Лучин полагает, что «конституционная ответственность представляет собой обусловленную нормами Основного Закона необходимость соответствующих субъектов отвечать за свое юридически значимое поведение в установленном порядке и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае отклонения — претерпевать определенные лишения»²⁹.

Конституционную ответственность также рассматривают в узком (ограничительном) и в широком (расширительном) смыслах. В основе такого разграничения лежит ответ на вопрос — только ли нарушение норм непосредственно Конституции РФ и федеральных конституционных законов влечет за собой конституционную ответственность, либо эта ответственность определяется положениями и иных отраслей законодательства, которые в то же время базируются на фундаменте Конституции РФ.

Понимаемая в узком значении конституционная ответственность существует независимо от других видов ответственности, имеет свой круг субъектов ответственности, свой круг государственных органов, применяющих ее, и свой арсенал мер ответственности; другими словами, она не поглощает иные виды юридической ответственности.

Понимаемая же в широком смысле конституционная ответственность поглощает иные виды юридической ответственности. По мнению В. О. Лучина³⁰, в ее основе лежит деликт³¹, в понятие которого входит любое нарушение как самой Конституции РФ, так и конституционного законодательства. То есть в состав

²⁷ Сергеев А. Л. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 29.

²⁸ Сапунова М. О. Указ. соч. С. 84.

²⁹ Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 283.

³⁰ См.: Лучин В. О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. С. 12–19.

³¹ В литературе (см.: Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24) отмечается, что «первым в современной российской науке конституционного права теорию конституционного деликта разработал В. О. Лучин» (см.: там же).

²⁵ См.: Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24.

²⁶ Матросов С. Н. Теоретико-правовые основы конституционной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 48.

конституционной ответственности включают-ся как чисто конституционно-правовые санкции (как, например, отмена незаконных актов либо отставка правительства по российскому праву), так и санкции иных отраслей права, прежде всего уголовно-правовые, значит, при любом нарушении конституционно-правовых установлений наступающая конституционная ответственность будет поглощать собой иные предусмотренные законодательством меры ответственности. При таком подходе любая правовая санкция (административная, уголовная, гражданско-правовая, дисциплинарная) будет рассматриваться и как санкция конституционно-правовая.

Еще более расширил широкое понимание конституционной ответственности Ф.С. Скифский, указав, что «в широком смысле конституционная ретроспективная ответственность — любая негативная ответственность за совершение всякого правонарушения. Таким образом, любая ретроспективная ответственность за совершение любого правонарушения есть конституционная ответственность». То есть, по его мнению, любое нарушение любого нормативного акта становится основанием конституционной ответственности³².

Применительно же к ответственности в системе механизма судебной власти в литературе высказан взгляд, согласно которому «субъектами конституционно-правовых отношений можно называть именно суды, а не судей. Судья должен быть субъектом конституционно-правовой ответственности по поводу того или иного принятого им решения в отношениях между судом и гражданином или судом и другими органами власти, между судами разных видов судебных органов»³³.

Мотивируется этот взгляд тем, что высшие судебные инстанции принимают решение коллегиально. Но следует отметить, что коллегиальное рассмотрение судебных дел не исключает возможность привлечения судей даже по ст. 305 УК РФ к уголовной ответственности. К тому же даже конституционная ответственность федеральных судов не исключает конституционную ответственность судей. И наконец, сложно представить себе действенной меру конституционной ответственности именно суда, а не судьи, как и основание такой ответственности — судит то судья, а не суд, в составе которого остальные судьи просто не причастны к действиям того судьи, который совершил конкретный конституционный проступок.

³² См.: Скифский Ф.С. Ответственность за конституционные правонарушения: автореф. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1998. С. 4.

³³ Трофимова Г.А. Конституционно-правовая ответственность федеральных судов // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.

Обратимся к Конституции РФ о судьях, уже в редакциях после нововведений 2020 г. Из содержания положений ст. 10, ч. 1 ст. 11 и гл. 7 однозначно следует, что судья в нашей стране — конституционно значимое лицо. В ст. 119 Конституции РФ, основательно расширенной в результате нововведений 2020 года, провозглашены конституционные требования к судьям: «Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации».

Эти положения тщательно, с неоднократными изменениями и дополнениями, детализированы в ст. 4 «Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи» и в ст. 3 «Требования, предъявляемые к судье» (почему такая последовательность, непонятно, ведь судей отбирают из кандидатов в судьи, а не наоборот) Закона о статусе судей, и многие из них следует рассматривать как развивающиеся последнее предложение ст. 119 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в Определениях от 8 июня 2004 г. № 214-О и от 2 февраля 2006 г. № 37-О³⁴ сформулировал правовую позицию, согласно которой конституционный термин «дополнительные требования» означает, что законодательству предоставлена возможность закреплять как требования, в Конституции не упоминаемые (как это сделано, например, в ст. 8 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), так и требования, повышенные по сравнению с установленными непосредственно Конституцией РФ. Это относится к судьям как федеральных судов, так и судов субъектов Российской Федерации (сейчас осталась лишь мировая юстиция). Действующее федеральное законодательство закрепляет дополнительные требования в обоих смыслах.

Есть дополнительные требования и к различным ветвям судебной власти и звеньям судебных

³⁴ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6; 2006. № 3.

систем. Так, судьей Конституционного Суда РФ может быть назначен гражданин Российской Федерации, достигший ко дню назначения возраста не менее 40 лет, с безупречной репутацией, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет, обладающий признанной высокой квалификацией в области права (ст. 8 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Конституция РФ также устанавливает, кто наделяет судей судебными полномочиями. Статья 128 Конституции РФ гласит: «Судьи Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации, а судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом».

Таким образом, определение того, кто может быть в России судьей (по квалифицирующим признакам), а также — кто наделяет гражданина, желающего стать судьей и соответствующего установленным для должности судьи требованиям — прямое регулирование самой Конституции РФ. Само по себе наделение судьи судебными полномочиями — конституционно закрепленные, конституционно значимые действия.

Означает ли, что прекращение полномочий судьи, механизм которого не закреплен в Конституции РФ, не является конституционно значимым действием? Отнюдь, это противоречило бы — принципиально — представлениям общества о единстве статуса судей. Прекращение полномочий судьи — это такое же конституционно значимое действие, как и наделение его полномочиями судьи.

Подтверждением чему служит ч. 2 ст. 121 Конституции РФ (в изначальной, неизменной редакции): «Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом». Но этого общего конституционного положения недостаточно, здесь нет необходимой конкретики.

Отсюда безусловный вывод — совершение судьей серьезного проступка при нынешнем правовом регулировании, квалифицируемое как тяжкий дисциплинарный проступок, караемой на основании ст. 12¹ Закона о статусе судей дисциплинарным наказанием в виде досрочного прекращения его судебных полномочий, должно квалифицироваться не в режиме дисциплинарной, а в режиме конституционной ответственности.

По сути, придерживается такого подхода и Конституционный Суд РФ. Так, в Определении

Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 59-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литвинова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав подпунктом 8 пункта 13 Положения о квалификационных коллегиях судей и положениями статьи 21, пункта 1 статьи 22 и абзаца второго пункта 2 статьи 26 Федерального Закона “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации”» сформулирована следующая правовая позиция: «Статус судьи в Российской Федерации определяется Конституцией РФ, ее статьями 119, 120, 121, 122 и 124 с тем, чтобы гарантировать осуществление правосудия независимым и беспристрастным судом, и подлежит конституционно-правовой защите. Предусматривая, в то же время, возможность досрочного прекращения полномочий судьи, Конституция РФ (ст. 121, ч. 2) устанавливает, по сути, основы конституционной ответственности судьи, конкретные основания и порядок привлечения к которой регламентируются федеральным законом. Особенности возникающих при этом правоотношений, связанных с оценкой поступков и деятельности, несовместимых с должностью судьи, позорящих его честь и достоинство или умаляющих авторитет судебной власти, определяют и особенности процедуры отрешения судьи от должности. Данная процедура предусматривает и ряд прав судьи, в отношении которого начато производство: право знакомиться с имеющимися в ККС материалами и представить свои возражения и замечания; право быть своевременно извещенным о времени и месте проведения заседания коллегии; право письменно обратиться в коллегию с просьбой об ознакомлении с протоколом заседания коллегии, ознакомиться с ним и подать свои замечания, которые подлежат приобщению к протоколу; право обжаловать решение коллегии в суд (пункты 2 и 3 ст. 21, п. 2 ст. 24 и п. 2 ст. 26 ФЗ “Об органах судейского сообщества”»).

Таким образом, производству в ККС присущи определенные признаки состязательности — принципа, который Конституция РФ (ст. 123 ч. 3) связывает с осуществлением судопроизводства.

В качестве некоторых, промежуточных, итогов рассмотренного выше можно сделать следующие выводы: 1) введение дисциплинарной ответственности судьи (за исключением такого ее вида, как досрочное прекращение полномочий судьи) путем включения в Закон о статусе судей ст. 12¹, постоянно развивающейся и детализирующейся, был, без сомнений, шаг в правильном направлении; 2) обобщенность включения в число видов дисциплинарной ответственности судей, досрочного прекращения их полномочий, установленных ст. 12¹ Закона о статусе судей, вызывает серьезные сомнения, поскольку этот вид наказания должен быть отнесен

не к дисциплинарной, а к конституционной ответственности; 3) поскольку формула дисциплинарного проступка судьи, закрепленного в ст. 12¹ Закона о статусе судей (по сути, в неизменной редакции), ядром которого является «нарушение положений настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики...», охватывает все виды дисциплинарных взысканий, включая досрочное прекращение полномочий судьи, можно рассматривать этот вид наказания и за самостоятельное — не юридическое — нарушение, а за отдельное, самостоятельное, не юридическое нарушение норм этики, закрепленное в Кодексе судейской этики. Что неприемлемо, а любая аналогия здесь явно неуместна; 4) существовавший до конституционных нововведений 2020 года организационно-правовой механизм ответственности судей (в том числе уголовной, административной, гражданской) в целом был, за исключением отмеченных выше отдельных, больше — в теоретическом плане — недостатков, эффективен и обеспечивал единство статуса судьи; 5) изначально и по настоящее время речь все равно идет (и это — законодательное регулирование, а не теоретические рассуждения) о судьях; 6) как быть, если судья совершил не один дисциплинарный проступок, а их целую серию, к тому же различных по тяжести и растянутых по времени? К примеру, комиссия начала проверку относительно одного дисциплинарного проступка судьи, а в ходе проведения этой проверки вскрылось такое...

Всё это в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы представляется исключительно важным.

Теперь о проблематике статуса судьи. Юридической энциклопедической литературой статус судей определяется как «совокупность норм, которые закреплены в федеральном законе и определяют правовое положение судей как носителей судебной власти. Статус судей включает: порядок наделения полномочиями, основания приостановления и прекращения полномочий, принципы их деятельности, материальное обеспечение судей и меры социальной защиты»³⁵. По мнению автора этих строк, статус судьи, это совокупность прав, обязанностей и ответственности (правовой компонент), а также морально-нравственно-этический и психофизиологический компоненты³⁶. В юридической литературе верно отмечается, что статус судьи формируется и складывается не одномоментно, это категория историческая, и высокоий статус судьи есть только в тех государствах, где пройден определенный исторический путь, сложились

традиции формирования судейского корпуса и управления правосудия³⁷.

Безусловно, судья — конституционно значимая фигура — и в нашей стране, и в любом ином государстве. Конституционно-правовой статус судей (в Российской Федерации он провозглашен ст. 10, 199–122, 124, 128 Конституции РФ) предопределяется тем, что судьи осуществляют публично-правовые задачи судебной власти, представителями которой они являются. В России судья призван осуществлять полномочия независимо от чьих-либо пристрастий и посторонних влияний, и в этих целях Конституция РФ закрепляет специальные требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей и порядку их назначения, гарантирует независимость, неприкосновенность и несменяемость судей, чем обеспечивается самостоятельность судебной власти. Наличие такой регламентации на конституционном уровне, как указал Конституционный Суд РФ в п. 2 Постановления от 7 марта 1996 г. № 6-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 16 Закона о статусе судей в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша, отличает правовой статус судей от статуса граждан и тех должностных лиц, которые, согласно ст. 91 и 98 Конституции РФ, обладают неприкосновенностью. А в Постановлении от 19 февраля 2002 г. № 5-П Конституционный Суд РФ отметил: конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призван обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Важными представляются следующие аспекты рассматриваемой здесь проблемы: 1) конституционно-правовой статус судьи является стержнем правовых актов, определяющих статус судьи (и, естественно, стержнем для моральных, нравственных, этических, психофизиологических и иных характеристик общего статуса судьи); 2) как историческая категория правовые основы статуса судьи в каждом развитом государстве индивидуальны и постоянно развиваются; 3) основными составляющими правовых основ статуса судьи в Российской Федерации на нынешнем этапе развития общества являются независимость судей, их несменяемость и их неприкосновенность как гарантия при применении к ним соответствующих мер ответственности. И прежде всего, учитывая конституционные основы статуса судьи, мер конституционной ответственности.

Вообще то учеными-конституционалистами высказываются различные взгляды на непосредственные меры конституционной ответственности. В советский период Т.Д. Зражевская и Н.А. Боброва такими мерами называли меры числом от пяти

³⁵ Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 567.

³⁶ См. подр.: Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М., 2008.

³⁷ См.: Яковлев В.Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. С. 5.

до девяти³⁸, в постсоветское время В.О. Лучин и Л.В. Забровская — шесть, но уже в ином «ассортименте»³⁹; Е.И. Колюшин — 19⁴⁰; В.А. Виноградов — 11⁴¹, а А.А. Кондрашов — 42⁴², и по критерию, учитывающему тип субъекта, в отношении которого применяются меры ответственности, он выделяет: 1) ответственность государственных образований (изменение статуса субъекта Федерации или автономной единицы); 2) ответственность государственных органов и должностных лиц (импичмент президенту, роспуск правительства или досрочное прекращение полномочий состава представительного органа субъекта РФ, смещение с должности губернатора); 3) ответственность общественных объединений (отказ в регистрации общественного объединения, запрет деятельности партии); 4) ответственность физических лиц (отказ в предоставлении гражданства, лишение статуса беженца или вынужденного переселенца); 5) ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (роспуск представительного органа, отрешение от должности главы местного самоуправления).

Представляется, что при всем разнообразии взглядов на непосредственные меры конституционной ответственности, такой субъект конституционной ответственности, как судья, с единственной для него мерой конституционной ответственности — досрочным прекращением полномочий, должен занять свою нишу. Вообще же среди звеньев механизма конституционной ответственности судьи важное место занимает звено, определяющее субъект этой ответственности. Далеко не все ученые под этим субъектом подразумевают действующего судью. Например, Т.Д. Зражевская на круглом столе, посвященном теме «Проблемы правовой ответственности государства, его органов

и служащих»⁴³, назвала среди субъектов, обладающих конституционной деликтоспособностью, высшие звенья судебной системы и Конституционный Суд РФ; по сути, все три (тогда их было столько) высших суда страны, т.е. обозначила субъектом конституционной ответственности коллективные субъекты в судебной системе.

А среди судей как индивидуальных субъектов конституционной ответственности — не все авторы под такими субъектами подразумевают всех действующих судей. Например, Д.А. Липинский⁴⁴ и М.О. Сапунова⁴⁵ к таковым относят лишь судей Конституционного Суда РФ, аргументируя свою позицию тем, что только в отношении их в полной мере действует федеральный конституционный закон — о Конституционном Суде РФ, и хотя в отношении судей Высшего Арбитражного Суда РФ (тогда был такой орган) также действует Федеральный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», но в ч. 3 ст. 8 этого Закона указано, что прекращение полномочий судьи допускается только по решению соответствующей ККС, при этом основания прекращения полномочий судей арбитражных судов конституционным законом не предусматриваются. Таким образом, отмечает М.О. Сапунова, отсутствует надлежащее правовое предписание, являющееся обязательным условием применения мер конституционной ответственности к судьям Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и судьям иных федеральных судов всех уровней, за исключением судей Конституционного Суда РФ, правовое положение и юридическая ответственность которых установлены соответствующими федеральным конституционным законом. В силу изложенного на данном этапе развития законодательства, указывает она, лишь судей Конституционного Суда РФ следует включить в круг индивидуальных субъектов конституционной ответственности, обладающих конституционной деликтоспособностью.

Однако исключительно важным, базовым, корневым для нашей судебной системы, для всего механизма современного российского правосудия является положение о том, что все (все!) судьи в Российской Федерации обладают единым статусом. Из ст. 2 Закона о статусе судей, так и именуемой «Единство статуса судей», вытекает, что особенности правового положения судей в нашей стране, обладающих единым статусом, определяют федеральным конституционным законом (относительно судей Конституционного Суда РФ),

³⁸ См.: Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. С. 57, 58; Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 91–114; Ответственность как средство укрепления законности в государственно-правовых отношениях // Юридические гарантии и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977. С. 55.

³⁹ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 359, 360; Лучин В.О., Забровская Л.В. Юридическая природа конституционных деликтов // Право и гражданское общество в современной России: сб. науч. ст. М., 2003. С. 297.

⁴⁰ См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 23–26.

⁴¹ См.: Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. С. 78–99.

⁴² См.: Кондрашов А.А. Меры конституционно-правовой ответственности в современном конституционном праве: основания классификации и виды санкций // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 48–50.

⁴³ Государство и право. 2000. № 3. С. 27.

⁴⁴ См.: Липинский Д.А. Регулятивная функция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 4. С. 27.

⁴⁵ См.: Сапунова М.О. Указ. соч. С. 84.

федеральными законами (относительно всех других категорий судей, включая судей военных судов) и законами субъектов Российской Федерации (в случаях, предусмотренных федеральными законами), и присвоение судье квалификационного класса не означает изменения его статуса относительно других судей в Российской Федерации. Больше того, то же положение закреплено и в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», ст. 12 которого, также именуемая «Единство статуса судей», гласит: «Все судьи Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией. Особенности правового положения отдельных категорий судей определяются федеральными законами, и в случаях, ими предусмотренных, — также и законами субъектов Российской Федерации».

К тому же отнесение регулирования тех или иных общественных отношений, вопросов, положений, включая сегмент ответственности судьи в Российской Федерации, к федеральному или федеральному конституционному законодательству не всегда носит системный характер, и может определяться свойствами или предпочтениями законодательской техники. Если все российское законодательство о судах и судьях будет кодифицировано (об этом — разговор отдельный), не факт, что законодатель предпочтет такой кодекс принять в форме федерального конституционного закона.

Исключительно важным в названном механизме является звено, определяющее основания конституционной ответственности судьи. В литературе вопросу оснований конституционной ответственности (в целом, а не только судей) высказано немало точек зрения. Так, О.И. Ярошенко выделяет три основания конституционно-правовой ответственности: нормативное, фактическое и процессуальное⁴⁶. Поскольку в целом эта ответственность — применительно к судье — наступает (должна наступать) за совершение конституционного проступка (правонарушения), состав которого, как иное правонарушение, состоит, что общеизвестно, из объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, то объектом конституционного проступка судьи является правосудие, конституционному провозглашению осуществления которого посвящены соответствующие положения Конституции РФ, законодательных и иных актов, включая судебные акты и акты органов судейского сообщества, а также присягу судьи, нормы этики, морали, нравственности и пр. Объективная сторона конституционного проступка судьи раскрывает само содержание

данного конкретного проступка и его отрицательные последствия, в том числе недолжное поведение судьи в виде умаления достоинства судьи, умаления достоинства судебной власти, появления обоснованных сомнений в объективности, справедливости и беспристрастности судьи. Субъектом этого проступка является, естественно, судья. А субъективная сторона — психологическое отношение судьи к своим противоправным и/или аморальным действиям, поведению, бездействию и пр.

При этом следует согласиться с точкой зрения В.В. Гошуляка, согласно которой «в российском праве нет отраслей, где бы юридическая ответственность возлагалась на субъекты права без учета их вины. В конституционном праве вина не может быть сведена к традиционному пониманию психического отношения субъекта права к деянию, не соответствующему должному поведению и его последствиям. Она ассоциируется с наличием у субъекта возможности надлежащим образом исполнять конституционные обязанности и неприкрытием им всех необходимых мер для того, чтобы не допустить конституционного правонарушения. Именно в этом состоит суть конституционной ответственности как ответственности за виновное причинение вреда»⁴⁷.

Но важная проблема здесь — в определении основания конституционной ответственности судьи за совершенный им конституционный проступок — это ответ на вопрос: включается ли в понятие конституционного проступка судьи совершенная им судебная ошибка? Эта проблема встает при взгляде на сущность дисциплинарного проступка судьи, влекущего (или не влекущего) дисциплинарную его ответственность, но здесь понятие проступка — шире. Здесь к судебной ошибке следует подходить объективно, с конституционно значимых позиций. По словам бывшего губернатора Калифорнии Арнольда Шварценеггера, «ошибки совершаются в каждом деле. Почему же ядерное оружие должно считаться исключением?» Речь идет в качестве наглядной иллюстрации этого высказывания об эпизоде, произошедшем 29–30 августа 2007 г. с шестью крылатыми ракетами с ядерными боеголовками (вместо учебных!), погруженными на борт стратегического бомбардировщика, который совершил перелет с ними через всю страну. В течение 36 часов никто не знал, где находятся эти боеголовки и даже о самом факте их отсутствия⁴⁸. Перефразируя это заявление А. Шварценеггера, можно спросить: почему же все судебные решения всех судей (как совокупное — каждое у каждого)

⁴⁶ См. подр.: Ярошенко Н.И. Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // Журнал росс. права. 2014. № 1. С. 102.

⁴⁷ Гошуляк В.В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24.

⁴⁸ См.: Независимая газ. 2008. 21 янв.

должны считаться исключением из утверждения, согласно которому «ошибки совершаются в каждом деле» (в рамках рассматриваемой здесь проблемы – в сфере существования правосудия)?

Но важным здесь является наличие судейского иммунитета, гарантирующего не привлечение судьи к какой-либо ответственности за правосудную деятельность, во всяком случае – стремящегося к этому.

Звено механизма конституционной ответственности судьи, посвященное судейскому иммунитету, прямо опирается на ст. 122 Конституции РФ, которая гласит: «Судьи неприкосновенны. Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом». Эта статья Конституции РФ, как и ряд других, содержательно провозглашают важную гарантию независимого правосудия в Российской Федерации – неприкосновенность судей, выступающей в качестве принципа, исходя из которого решаются конкретные взаимосвязанные и взаимозависимые вопросы и неприкосновенности судей, и их ответственности. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 7 марта 1996 г. № 6-П, судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, прежде всего, интересов правосудия; следует также учитывать особый режим судейской работы, повышенный профессиональный риск, наличие различных процессуальных и организационных средств контроля за законностью действий и решений суда.

Судейский иммунитет обеспечивается особыми основаниями и порядком приостановления и прекращения полномочий судьи, при условии, что эти основания и порядок установлены федеральным законом, т.е. установлен конституционный запрет на приостановление или прекращение полномочий судьи по иным основаниям и/или в ином порядке, чем это урегулировано в федеральном законе. И речь идет как о федеральном – о статусе судей (ст. 13, 14), так и о федеральном конституционном – о Конституционном Суде РФ (ст. 17, 18) – законах.

Конституционно значимой гарантией необоснованного привлечения судьи к ответственности – в рамках звена судейского иммунитета механизма ответственности судьи, является то, что любое решение ККС в отношении судьи, нарушающим, по его мнению, его права (в том числе приостановившие или прекратившие его полномочия), может быть им обжаловано в суд. Еще в Постановлении от 7 марта 1996 г. № 6-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 16 Закона о статусе судей Конституционный Суд РФ указал, что положения данного закона не могут быть истолкованы как

исключающие возможность обжалования в судебном порядке решения ККС и препятствующие осуществлению гражданами их прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба; законодательство Российской Федерации не допускает никаких исключений из конституционного принципа, согласно которому действия и решения государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, в результате которых нарушены права и свободы граждан или созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод, могут быть обжалованы в суд.

Важна здесь и Рекомендация № R (94) 12 о независимости, эффективности работы и роли судей Комитета Министров государствам – членам Совета Европы (Принцип 1.2 d), согласно которой «судьи должны иметь ничем не ограниченную свободу решать дела беспристрастно, в согласии со своей совестью и в соответствии со своим толкованием фактов и руководствуясь преобладающими правовыми нормами».

Можно уверенно предположить, что введение даже самой минимальной из возможных видов, тем паче конституционной, ответственности судей за судебную ошибку, даже при условии, что ее наличие обязательно будет подтверждено судебным актом вышестоящей судебной инстанции, способно если не полностью парализовать, то как минимум серьезно затормозить нормальный ход осуществляемого каждым судьей правосудия. Ведь судья, рассматривая каждое дело (в среднем десятки в месяц) и опасаясь, что вынесенное им по этому делу решение в случае его отмены (изменения) вышестоящей судебной инстанцией будет квалифицировано в качестве судебной ошибки, вынужден будет во многих случаях «консультироваться» со многими судьями всех могущих по этому делу стать вышестоящих судебных инстанций, причем – в процедуре внепроцессуальных связей, устанавливая с ними личные контакты и т.п., что поставит крест на независимости судей.

Сказанное означает – необходима выработка формулы конституционного проступка судьи, причем отличная от закрепленного в действующей редакции п. 5 ст. 12.1 (в ред. Федерального закона от 29.07.2018 № 243-ФЗ) Закона о статусе судей основания дисциплинарной ответственности судьи, который предусматривает досрочное прекращение полномочий судьи. Там сказано: «Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, в том числе за нарушение указанных

положений при осуществлении правосудия, если такое нарушение повлекло искажение принципов судопроизводства, грубое нарушение прав участников процесса, свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлено вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок».

Следует обратить внимание на следующее немаловажное обстоятельство. Принято считать: новое — это хорошо забытое старое. Хорошо забытым старым в данном вопросе служит то, что созданным у нас в 1989–1990 гг. Положением о порядке выборов и организации деятельности квалификационных коллегий судей судов РСФСР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 декабря 1989 г.⁴⁹, и Положением о дисциплинарной ответственности судей и народных заседателей судов РСФСР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 февраля 1990 г.⁵⁰, механизм ответственности судьи не рассматривал ни отзыв судьи, ни досрочное освобождение судьи от исполнения своих обязанностей в качестве меры дисциплинарных взысканий (дисциплинарными взысканиями, налагаемыми ККС на судью, тогда были: а) замечание; б) выговор; в) строгий выговор). Решение об отзыве судей и об их досрочном освобождении от исполнения обязанностей решался — не в режиме дисциплинарного производства — соответствующими Советами (представительными органами), их избравшими в должность судьи. Правда, тогда этот отзыв и досрочное освобождение от должности судьи не именовался мерой конституционной ответственности. Отчасти и потому, что действовавшая тогда Конституция не была актом прямого действия.

Оптимальной формулой конституционного проступка судьи, краткой, но всеобъемлющей и предусматривающей лишь одну ответственность — досрочное прекращение полномочий судьи (и то нужно будет исключить те основания досрочного прекращения полномочий, которые не являются следствием совершения проступка: смерть судьи, собственное желание и т.д.), может служить формула: «нарушение присяги судьи». Ныне же нарушение присяги судьи нигде, никем и никак не фиксируется и никакой ответственности для нарушителя за это никакими нормами не предусмотрено. А ведь принесение присяги судьей делает его настоящим судьей (и для него самого, и в глазах

общества), и в морально-этическом плане исключительно значимо, как значимо для врачей, военнослужащих и иных категорий.

Правда, текст нынешней присяги судьи представляется крайне, недопустимо лаконичным. В Законе о статусе судей сказано, что судья, впервые избранный на должность, принимает в торжественной обстановке присягу следующего содержания: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняться только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть». Ещё более лаконична формула присяги судьи Конституционного Суда РФ: «Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, подчиняясь при этом Конституции Российской Федерации, ничему и никому более».

Для сравнения: в ст. 11 гл. 4 Судебного кодекса Королевства Швеция от 18 июля 1942 г. (в ред. от 15.06.2017)⁵¹ провозглашена присяга судьи в такой редакции: «Я клянусь своей честью и совестью, что я буду беспристрастно, по отношению как к богатым, так и бедным, честно и справедливо осуществлять правосудие по всем делам и судить только в соответствии с законами Королевства Швеции; клянусь, что никогда не буду злоупотреблять законом или использовать его из родственных, супружеских, дружественных чувств, а также зависти, недоброжелательности или страха, или в связи с подкупом, подарками; и я никогда не признаю невиновного виновным и наоборот. Все вышесказанное, как честный и праведный судья, я обязательно буду соблюдать».

Так же для сравнения: таковым был текст присяги российского судьи 150 лет назад, закреплен он был в законах судебной реформы 1864 г. Тогда сам механизм приведения к присяге был более значим и торжествен. В ст. 225 Учреждения судебных установлений — с приложением — провозглашалось: «225. Каждый, назначенный в первый раз в должность судьи, приводится к особой на звание присяге, духовным лицом своего вероисповедания, в публичном заседании всех департаментов или отделений суда, в который поступает, по прилагаемой у сего Форме».

На основании Высочайше утвержденного 21 октября 1857 г. мнения Государственного Совета присяга на верность службы приносится только при первоначальном вступлении в оную и при поступлении в службу вновь из отставки; при производстве же в чины и при назначении на новые места, или в другие должности, присяга не повторяется. Правило это не распространяется на те должности

⁴⁹ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 50, ст. 1480.

⁵⁰ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 10, ст. 288.

⁵¹ См.: Сборник законов Швеции tum. SFS2017: 542.

и звания, для коих законом положительно установлены особые клятвенные обещания (...). Обязанности судьи, и по специальности своей, и по особенной, присвоиваемой этому званию важности, непременно требуют и особого ручательства в добросовестном исполнении оных. Обязанности судьи, вступившего в первый раз в это звание, столь различны от всех предшедших его занятий, что было бы неудобно и едва ли осторожно допускать в эту должность без торжественного обряда присяги на оную (...).

1. Форма присяги на должность судьи (к ст. 225).

«Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять свято законы Империи, творить суд по чистой совести, без всякого в чью-либо пользу, лицепрятия и поступать во всем соответственно званию, мною принимаемому, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его. В удостоверение сего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»⁵².

Помимо сложностей с выработкой текста присяги судьи, нарушение которой должно повлечь конституционную ответственность в виде досрочного прекращения полномочий судьи, исключительно важным и еще более сложным является вопрос: а кто, какой орган должен применять эту меру ответственности?

Возложение этой функции на квалификационные коллегии судей, как и на иные органы судейского сообщества, должно быть исключено — конституционно значимую функцию должны выполнять конституционные органы. И частично это произошло конституционными нововведениями 2020 года. Можно сказать — тогда (и в результате) произошла радикальная реформа ответственности части судейского корпуса за грубейшие дисциплинарные нарушения, влекущие ответственность в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Старт им дало ежегодное Послание Президента РФ В.В. Путина от 15 января 2020 г.⁵³ В нем, в частности, было сказано: «И наконец, седьмое: ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная

система — Конституционный и Верховный Суды. Подчеркну, безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним. Справедливость и моральное право принимать решения, затрагивающие судьбы людей, всегда в России имели первостепенное значение. Основной закон должен закреплять и защищать независимость судей, принцип их подчинения только Конституции и федеральному законодательству. При этом считаю необходимым предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного Судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи. Это предложение делается исходя из сложившейся практики. Этого явно сегодня не хватает».

Видимо, у Президента РФ были причины для внесения таких нововведений в действующую Конституцию РФ. Хотя официального их обоснования автору этих строк найти не удалось. Не похоже, что существующий до этого организационно-правовой механизм досрочного прекращения полномочий судей Конституционного Суда РФ (по решению самого Конституционного Суда РФ — в силу ст. 18 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») и судей Верховного Суда РФ (Высшей квалификационной коллегией судей РФ) не мог законно и справедливо с этим справиться. Но, что важно: а) самих судей Конституционного Суда РФ по штату 11, судей Верховного Суда РФ — по штату 170; б) и судьи этих судов — высокопрофессиональные и чрезвычайно маловероятно способные совершить названный в Послании Президента РФ проступок.

Однако сказанное Президентом РФ о предлагаемых им изменениях и дополнений в Конституцию РФ в его ежегодном Послании 2020 г. приобрело — в нововведениях в Конституцию РФ 2020 года — существенное расширение. Эти реальные нововведения заключаются в том, что:

в ст. 83 «Президент Российской Федерации» был добавлен п. «е.3», провозгласивший, что Президент РФ «вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации».

⁵² Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рас- суждений, на коих они основаны. Часть третья. СПб., 1866. С. 138, 139 (цит. по: *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семин Г. Ю.* Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. М., 2003. Т. III. С. 469).

⁵³ См.: Послание Президента РФ от 15.01.2020 г. б/н Федеральному Собранию (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // Росс. газ. 2020. 16 янв.

Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»;

соответствующими корреспондирующими полномочиями был наделен Совет Федерации — в Конституцию РФ был включен п. «л» ч. 1 ст. 102, в соответствии с которым Совет Федерации «прекращает по представлению Президента Российской Федерации...» — и далее по тексту указанных чуть выше новых полномочий Президента РФ.

Разница между предложением Президента РФ, содержащемся в его ежегодном Послании 2020 г., и его реализованном, закреплённом конституционными нововведениями 2020 года, весьма существенна, поскольку к судьям Конституционного и Верховного судов РФ были добавлены судьи апелляционных и кассационных судов. А их — немало: на X Всероссийском съезде судей (в конце ноября 2022 г.) было объявлено, что в Российской Федерации по состоянию на 1 октября 2022 г. числится — в судах общей юрисдикции: в кассационных судах — 862 ставки судей (из них 22% должностей вакантны), в апелляционных судах — 173 ставки судей (из них 18% вакантны); в военных судах; в апелляционном — 16 ставок судей; в кассационном — 25 ставок судей; в арбитражных судах — округов (кассационных) — 443 ставки судей (из них 14% вакантных), апелляционных судах — 682 ставки судей (из них 14.7% вакантные).

Таким образом, по состоянию на указанную дату в Российской Федерации значилась в совокупности 2201 ставка судей кассационных и апелляционных судов. И все они теперь вошли — при соответствующих условиях — в юрисдикцию Совета Федерации ФС РФ. Но вышли ли они при этом из юрисдикции ВККС РФ?

Представляется исключительно важным и то обстоятельство, что вхождение желающих войти в состав судейского корпуса базируется — фундаментально — на Конституции РФ, ее ст. 119 и 128, включенных в специальную гл. 7 «Судебная власть и прокуратура». А выход из судейского корпуса — в случае совершения судьей грубого правонарушения, повлекшего досрочного прекращения его полномочий — Конституцией РФ до конституционных нововведений 2020 года вообще не предусматривался, и такая же ситуация сохранилась для основной массы судей и после этих нововведений. А для указанного выше 2201 судьи после этих нововведений хотя и предусмотрена, но положения об этом закреплены не в гл. 7 Конституции РФ, посвященной судебной власти, а в гл. 4 «Президент

Российской Федерации» и 5 «Федеральное Собрание». Почему?

Естественно, названное нововведение повлекло за собой соответствующую корректировку и иных законодательно-нормативных актов — Регламента Совета Федерации ФС РФ, ст. 15 Федерального конституционного закона о судебной системе Российской Федерации, Закона о статусе судей (в который Федеральным законом от 08.12.2020 № 426-ФЗ была вмонтирована специальная ст. 14.1 «Прекращение полномочий отдельных категорий судей Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»).

Получается, что конституционными нововведениями 2020 года был создан организационно-правовой механизм конституционной ответственности 2201 судьи за совершение ими грубейшего дисциплинарного проступка в виде досрочного прекращения судейских полномочий Советом Федерации по представлению Президента РФ.

Однако ни разу с тех пор, насколько автору данных строк известно, он не был задействован. Может быть, конечно, и потому, что ни один из названных 2201 судьи не совершил с тех пор грубого проступка, который должен был повлечь досрочное прекращение полномочий судьи.

Но вот пример для размышления: ВККС РФ Решением от 3 февраля 2023 г. установила: судья Арбитражного суда одного из округов К., «находясь в состоянии алкогольного опьянения, осуществлял действия, оскорбляющие человеческое достоинство и общественную нравственность; нарушал общественный порядок, выражая неуважение к гостям и охране бара, находящегося по адресу... С прибывшими сотрудниками полиции вел себя агрессивно, использовал нецензурную брань, на замечания не реагировал, в связи с этим к судье К. были применены физические сила и специальные средства»⁵⁴.

Это — разовое, но грубейшее правонарушение одного из 2201 названного судьи, и состав этого правонарушения вписывается, безусловно, в состав правонарушения, провозглашенный п. «е» ст. 83 обновленной в 2020 г. Конституции РФ: «в случае совершения поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных, предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий».

А вот пример неоднократных правонарушений: на заседании ВККС РФ 20–24 ноября 2023 г. было отказано в продлении полномочий главы

⁵⁴ Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2021. № 5 (79). С. 23.

апелляционного арбитражного суда («из-за многочисленных претензий»⁵⁵). Кстати, сам факт отказа в продлении полномочий судьи можно рассматривать (и целесообразно официализировать) как вид дисциплинарной, а в отдельных случаях (рассмотренных выше) и конституционной ответственности судьи.

Таким образом можно с осторожностью предположить, вариантно: 1) либо Совет Федерации не рассмотрел за эти последние три года со дня наделения его соответствующими полномочиями ни одного представления Президента РФ в рамках своих новых полномочий о судьях из-за отсутствия таких представлений; б) либо рассмотрел, но — в засекреченном режиме (что крайне маловероятно).

Но главное — а вообще дело ли это Совета Федерации как федерального законодательного органа? Была ли необходимость наделять его функцией квазисудебного органа — ведь квалификационные коллегии судей, рассматривая вопрос о грубом проступке судьи, могущим повлечь в качестве наказания досрочное прекращение его полномочий, проводят, предварительно, целое расследование, устанавливающее обстоятельства проступка, вину судьи и проч. Зачастую опрашиваются люди, истребуются документы, в заседании на стороне проштрафившегося судьи участвует адвокат... рассмотрение дела неоднократно переносится. И что важно — состав квалификационной коллегии судей состоит более чем наполовину из действующих судей, не понаслышке знающих, кто это за люди — судьи и в чём опасность их проступков. И эта коллегия при рассмотрении дела о проступке судьи делает два дела, органически присущие судебному процессу: устанавливает, что там было, и дает этому установленному «что было» правовую оценку. Может ли Совет Федерации при его загруженности законодательской работой выступать в роли ВККС РФ как органа судейского сообщества либо как квазисудебного органа? А вынесенное квалификационной коллегией судей решение, хоть положительное, хоть отрицательное, может быть обжаловано, причем неоднократно, по инстанциям (в Дисциплинарную коллегия Верховного Суда РФ, в Апелляционную коллегия Верховного Суда РФ; а ситуации со вновь открывшимися обстоятельствами?). И можно ли обжаловать в судебном порядке решение Совета Федерации о досрочном прекращении полномочий судьи? Хоть по существу, хоть по форме? Равно — можно ли обжаловать Представление Президента РФ в Совет Федерации ФС РФ по этому вопросу?

Кроме того, по мнению автора этих строк, принципиальное разделение органов, наделяющих

судью полномочиями, и лишаящих судью судейских полномочий — величайшее достижение переломной юридической мысли в нашей стране (из личного общения автора данных строк с членом-корр. РАН В.Ф. Яковлевым).

* * *

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить:

проступок судьи, за который он подлежит наказанию в виде досрочного прекращения судейских полномочий — это конституционное правонарушение, а досрочное прекращение этих полномочий — мера конституционной ответственности;

указанные выше конституционные нововведения привели к разрушению единства статуса судей (поскольку статус судьи органически включает и ответственность судьи), причем в двояком смысле: 1) для 2201 судьи (по штату) в случае совершения названного проступка наступает конституционная ответственность в виде досрочного полномочия судей, налагаемого, в соответствии с Конституцией РФ (в ред. 2020 г.) Советом Федерации, а для остальных 27 836 наступает дисциплинарная ответственность, налагаемая квалификационными коллегиями судей; 2) для указанных 2201 судьи за названный проступок наступает конституционная ответственность, но если проступок будет не столь грубым, и за него мерой ответственности будет не досрочное прекращение судейских полномочий, а более мягкая, то уже ответственность будет для судьи из числа 2201 не конституционной, а дисциплинарной и применять ее будет не Совет Федерации, а соответствующая квалификационная коллегия судей;

конституционная ответственность в виде досрочного прекращения полномочий судей за названный проступок должна применяться в отношении всех без исключения судей, чем будет обеспечено единство статуса судей;

ситуация, в которой Совет Федерации ФС РФ, рассматривая проступок судьи (в соответствии со своей компетенцией), может установить, что этот проступок не столь уж тяжкий и заслуживает более мягкий вид ответственности, чем досрочное прекращение его полномочий, вообще крайне туманна; ведь это означает, что происходит перевод ответственности из конституционной в дисциплинарную. И такое — пока теоретически — весьма вероятно, ибо ст. 14¹ Закона о статусе судей, введенная в этот Закон ФЗ от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ, установила, что полномочия названной категории судей могут быть прекращены Советом Федерации по представлению Президента РФ в следующих случаях: 1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ

⁵⁵ Барсуков В. Фемида усиливает борьбу с коррупцией. Высшая квалификационная коллегия судей продолжает обновление судебной системы // Независимая газ. 2023. 20 нояб.

«О противодействии коррупции»»; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами. Ведь очевидно, что случаи 1 и 5 – оценочные, а в случае 4 судья элементарно может не знать что названный поступок совершила супруга (супруг) и (или?) несовершеннолетние дети, и в чем здесь вина судьи?

органом, применяющим конституционную ответственность судьи в виде досрочного прекращения судебных полномочий, должен быть – для всех судей – Верховного Суда РФ, кассационных и апелляционных (но не для судей Конституционного Суда РФ – там свой порядок) – не Совет Федерации ФС РФ и не квалификационные коллегии судей. Это должен быть принципиально новый государственно-властный орган, провозглашенный в Конституции РФ, олицетворяющий судебную власть (типа Федеральное Собрание для власти законодательной и Правительства РФ для власти исполнительной), но не являющийся судебным органом. Подобный орган есть и эффективно действует в доброй половине государств мира, дважды (в 1993 и в 2001 гг.) он мог реально появиться и в Российской Федерации⁵⁶;

место такому органу в главе Конституции РФ, посвященной судебной власти. Но, поскольку он должен быть провозглашен и в ч. 1 ст. 11 ныне действующей Конституции РФ (т.е. в ее гл. 1) и, не исключено – некоторых статьях ее главы второй, необходима проработка и принятие новой Конституции РФ. На встрече Президента РФ В.В. Путина с Председателем Конституционного Суда В.Д. Зорькиным 12 декабря 2023 г. звучало: «может быть, наступают времена, когда нужно сменить Конституцию... Но прежде, чем заняться такими вещами, к которым призывают иногда очень часто, нужно задуматься над тем, а для чего это нужно»⁵⁷.

⁵⁶ Обоснованию необходимости такого органа и его контурам посвящена работа автора данной статьи (см.: *Клеандров М.И. О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016*).

⁵⁷ Цит. по: *Колесников А. Конституция – дело поправимое. Об этом рассказали Валерий Зорькин и Владимир Путин // Коммерсантъ. 2023. 13 дек.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Санкции в советском государственном праве // Сов. государство и право. 1973. № 11. С. 30, 31.
2. *Авдеенкова М.П.* Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. *Алиев Т.Т.* Конституционная ответственность как особый вид юридической ответственности // Современное право. 2010. № 11. С. 33.
4. *Барсуков В.* Фемида усиливает борьбу с коррупцией. Высшая квалификационная коллегия судей продолжает обновление судебной системы // Независимая газ. 2023. 20 нояб.
5. *Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. С. 57, 58, 69, 70.
6. Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 567.
7. Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2021. № 5 (79). С. 23.
8. *Виноградов В.А.* Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. С. 78–99.
9. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исп. и доп. М., 2009.
10. Государство и право. 2000. № 3. С. 27.
11. *Гоцуляк В.В.* Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24.
12. *Добрынин Н.М.* К вопросу о конституционной ответственности // Государство и право. 2010. № 10. С. 17–25.
13. *Зражевская Т.Д.* Ответственность как средство укрепления законности в государственно-правовых отношениях // Юридические гарантии и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977. С. 55.
14. *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 91–114.
15. *Клеандров М.И.* Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2017.
16. *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016.
17. *Клеандров М.И.* Ответственность судьи. М., 2011. С. 69–233.
18. *Клеандров М.И.* Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М., 2008.
19. *Колесников А.* Конституция – дело поправимое. Об этом рассказали Валерий Зорькин и Владимир Путин // Коммерсантъ. 2023. 13 дек.
20. *Колосова Н.М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.
21. *Колюшин Е.И.* Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 23–26.

22. *Кондрашев А.А.* Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006.
23. *Кондрашов А.А.* Меры конституционно-правовой ответственности в современном конституционном праве: основания классификации и виды санкций // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 48–50.
24. Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001.
25. *Корня А.* Этика судейской жизни. Служители Фемиды получают рекомендации по правильному поведению в интернете // Коммерсантъ. 2023. 6 дек.
26. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 396.
27. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. История, документы: в 6 т. М., 2003. Т. III. С. 469; т. VI. Российская Федерация / отв. ред. Л.Б. Алексеева. С. 36.
28. *Липинский Д.А.* Регулятивная функция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 4. С. 27.
29. *Лучин В.О.* Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. С. 12–19.
30. *Лучин В.О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 278, 279, 283, 359, 360.
31. *Лучин В.О., Забровская Л.В.* Юридическая природа конституционных деликтов // Право и гражданское общество в современной России: сб. науч. ст. М., 2003. С. 297.
32. *Матросов С.Н.* Теоретико-правовые основы конституционной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 48.
33. *Никифорова Н.В.* Конституционно-правовая ответственность в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы реализации и развития: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009.
34. Отчетный доклад Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н.В. Тимошина X Всероссийскому съезду судей от 29 ноября 2022 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2023. № 1 (87). С. 29.
35. *Пискотин М.И.* Политическая ответственность работников аппарата государственного управления в социалистических странах // Доклад на Международной научной конференции на тему «Ответственность сотрудника государственной администрации». Варшава, 1975 (на рус. яз.).
36. *Сапунова М.О.* Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 79, 84.
37. *Сергеев А.Л.* Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 29.
38. *Серков П.П.* Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М., 2014.
39. *Скифский Ф.С.* Ответственность за конституционные правонарушения: автореф. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1998. С. 4.
40. *Трофимова Г.А.* Конституционно-правовая ответственность федеральных судов // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.
41. *Трофимова Г.А.* Понятие конституционно-правовой ответственности как отраслевого вида юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 3–8.
42. *Яковлев В.Ф.* Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. С. 5.
43. *Ярошенко Н.И.* Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // Журнал рос. права. 2014. № 1. С. 102.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Sanctions in Soviet State Law // Soviet State and Law. 1973. No. 11. Pp. 30, 31 (in Russ.).
2. *Avdeenkova M.P.* Constitutional and legal responsibility in Russia: problems of formation and implementation: dis. ... PhD in Law. M., 2003 (in Russ.).
3. *Aliev T.T.* Constitutional responsibility as a special type of legal responsibility // Modern law. 2010. No. 11. P. 33 (in Russ.).
4. *Barsukov V.* Themis strengthens the fight against corruption. The Higher Qualification Board of Judges continues to update the judicial system // Nezavisimaya gas. 2023. 20 Nov. (in Russ.).
5. *Bobrova N.A., Zrazhevskaya T.D.* Responsibility in the system of guarantees of constitutional norms. Voronezh, 1985. Pp. 57, 58, 69, 70 (in Russ.).
6. The Great Legal Encyclopedia. M., 2005. P. 567 (in Russ.).
7. Bulletin of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation. 2021. No. 5 (79). P. 23 (in Russ.).
8. *Vinogradov V.A.* Constitutional responsibility: issues of theory and legal regulation. M., 2000. Pp. 78–99 (in Russ.).
9. *Vitruk N.V.* General theory of legal responsibility. 2nd ed., rev. and add. M., 2009.
10. State and Law. 2000. No. 3. P. 27 (in Russ.).
11. *Goshulyak V.V.* Theoretical and legal problems of constitutional and legal responsibility // Constitutional and Municipal Law. 2009. No. 24 (in Russ.).
12. *Dobrynin N.M.* On the issue of constitutional responsibility // State and Law. 2010. No. 10. Pp. 17–25 (in Russ.).
13. *Zrazhevskaya T.D.* Responsibility as a means of strengthening legality in state-legal relations // Legal guarantees and the regime of socialist legality in the USSR. Yaroslavl, 1977. P. 55 (in Russ.).
14. *Zrazhevskaya T.D.* Responsibility under Soviet State Law. Voronezh, 1980. Pp. 91–114 (in Russ.).
15. *Kleandrov M.I.* The mechanism of ethical responsibility of a judge: problems of formation. M., 2017 (in Russ.).
16. *Kleandrov M.I.* On the Council of Judicial power of the Russian Federation. M., 2016 (in Russ.).

17. *Kleandrov M. I.* Responsibility of a judge. M., 2011. Pp. 69–233 (in Russ.).
18. *Kleandrov M. I.* Status of a judge: legal and related components. M., 2008 (in Russ.).
19. *Kolesnikov A.* The Constitution is a fixable matter. This was told by Valery Zorkin and Vladimir Putin // *Kommersant*. 2023. 13 Dec. (in Russ.).
20. *Kolosova N. M.* Constitutional responsibility in the Russian Federation: Responsibility of state authorities and other subjects of law for violation of the constitutional legislation of the Russian Federation. M., 2000 (in Russ.).
21. *Kolyushin E. I.* Constitutional (State) Law of Russia. M., 1999. Pp. 23–26 (in Russ.).
22. *Kondrashev A. A.* Constitutional and legal responsibility in the Russian Federation: theory and practice. M., 2006 (in Russ.).
23. *Kondrashov A. A.* Measures of constitutional and legal responsibility in modern Constitutional Law: grounds for classification and types of sanctions // *Constitutional and Municipal Law*. 2010. No. 7. Pp. 48–50 (in Russ.).
24. Constitutional and legal responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries / ed. by S. A. Avakyan. M., 2001 (in Russ.).
25. *Kornya A.* Ethics of judicial life. The servants of Themis will receive recommendations on proper behavior on the Internet // *Kommersant*. 2023. 6 Dec. (in Russ.).
26. *Kutafin O. E.* The subject of Constitutional Law. M., 2001. P. 396 (in Russ.).
27. *Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Yu.* Judicial power in Russia. History, documents: in 6 vols. M., 2003. Vol. III. P. 469; vol. VI. The Russian Federation / res. ed. L. B. Alekseeva. P. 36 (in Russ.).
28. *Lipinsky D. A.* The regulatory function of constitutional responsibility // *Constitutional and Municipal Law*. 2003. No. 4. P. 27 (in Russ.).
29. *Luchin V. O.* Constitutional torts // *State and Law*. 2000. No. 1. Pp. 12–19 (in Russ.).
30. *Luchin V. O.* Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation. M., 2002. Pp. 278, 279, 283, 359, 360 (in Russ.).
31. *Luchin V. O., Zabrovskaya L. V.* The legal nature of constitutional torts // *Law and civil society in modern Russia: collection of scientific articles*. M., 2003. P. 297 (in Russ.).
32. *Matrosov S. N.* Theoretical and legal foundations of constitutional responsibility: dis. ... PhD in Law. M., 2002. P. 48 (in Russ.).
33. *Nikiforova N. V.* Constitutional and legal responsibility in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: problems of implementation and development: dis. ... PhD in Law. Tyumen, 2009 (in Russ.).
34. The report of the Chairman of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation N. V. Timoshin to the X All-Russian Congress of Judges dated November 29, 2022 // *Bulletin of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation*. 2023. No. 1 (87). P. 29 (in Russ.).
35. *Piskotin M. I.* Political responsibility of employees of the public administration apparatus in socialist countries // Report at the International Scientific Conference on the topic “Responsibility of an employee of public administration”. Warsaw, 1975 (in Russ.).
36. *Sapunova M. O.* The legal responsibility of judges in the Russian Federation: theoretical and legal analysis: dis. ... PhD in Law. M., 2000. Pp. 79, 84 (in Russ.).
37. *Sergeev A. L.* Constitutional responsibility of federal state authorities of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 2006. P. 29 (in Russ.).
38. *Serkov P. P.* Constitutional responsibility in the Russian Federation: modern theory and practice. M., 2014 (in Russ.).
39. *Scifsky F. S.* Responsibility for constitutional offenses: abstract ... PhD in Law. Tyumen, 1998. P. 4 (in Russ.).
40. *Trofimova G. A.* Constitutional and legal responsibility of federal courts // *Constitutional and Municipal Law*. 2011. No. 11 (in Russ.).
41. *Trofimova G. A.* The concept of constitutional and legal responsibility as a branch type of legal responsibility // *Constitutional and Municipal Law*. 2016. No. 7. Pp. 3–8 (in Russ.).
42. *Yakovlev V. F.* The status of a judge is the status of power // *State and Law*. 2004. No. 11. P. 5 (in Russ.).
43. *Yaroshenko N. I.* The foundations of constitutional and legal responsibility in the field of norm control // *Journal of Russ*. 2014. No. 1. P. 102 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Chief Researcher, Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia